

*Джованни Огрызок. Гоблин и
русалка, которая не умела
плавать*

Александр Бережной

**Александр Бережной
Джованни Огрызок.
Гоблин и русалка,
которая не умела плавать**

<https://litres.ru/74110626>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ум, красота, связи и деньги – хорошо, когда они есть.

Плохо, что Джованни Огрызок этим всем обделён.

Но у Джованни всё же есть язык, а это значит, он может обо всём этом и соврать.

Александр Бережной Джованни Огрызок. Гоблин и русалка, которая не умела плавать

Всё этот орк.

Этот Створовски-младший, чтоб ему пусто было.

Чтоб чирьи у него на седалище выскочили.

Вот чего он полез к Дел Монте? Чего спрашивается?

Чего этому остолопу в жизни-то не хватало?

Мать – первая красавица Новой Вероны. И это каждый знает – кого не спроси: «Кто такая Вега Створовски?», так тебе сразу ответит «Первая красавица Новой Вероны» и, возможно, в морду получит, потому как забыл добавить «а значит и всего мира». Надо понятие иметь о ком говоришь своим грязным ртом.

Батя у этого недоразумения – во главе самих Мародёров стоит, а те пасть разевают всё шире: того и гляди скоро весь город под себя подомнут.

А что ты им скажешь?

Они ж орки. Причём прям больные на голову. Не как все орки, эти прям сильно больные. Нет чтобы как положено ор-

кам Тёмным там поклоняться, так эти в каких-то Близнецов верят.

С Тёмными-то всё понятно: если хочешь, чтобы башка варила – это тебе к Голосу Пустоты, если силы хочешь – это к Разбивателю Черепов, если с головой непорядок – это к Дыханию Тлена. А с этими Близнецами – мрак полный. Каждый что-то своё рассказывает – и видно же врёт, ничего он не знает, а всё ж рассказывает. Иные до такого договариваются, что вроде как наш Истинный – этих из тех Близнецов.

Спаси Истинный от ереси этой.

Про дедов Створовски-младшего так вообще страшно вспоминать – один святой, а второй – маэстро Иохим Санчес де Карркандза.

И чего ему не имётся?

Вон я слышал, что с дури он себе даже дракона в питомцы завёл.

Дракона.

И золотом эта тварину кормит.

Золотом.

Это ж голове не укладывается.

Я вон когда золотой вижу – это ж за праздник, а он твари-не своей чушейчатой – золото.

И ладно б сам там дурил – они, кто богатые, всё и приду-рю, так нет же к людям лезет.

Добро причиняет.

Через то добро и суету, что после Дел Монте началась То-

нино Фило сгинул, и дело мне перепало.

Хрясь!

Ощутимый такой подзатыльник.

Но ничего, к подзатыльникам я уже привык. Зубы-то не сильно-то и клацнили.

- Долго ещё в молчанку играть будем? Тебя, scassinatore, уважаемый Алая Ильменсен спрашивает...

- Это было лишним.

Хоть он, этот Алая Ильменсен, и гoblin, как и я, а сразу видно: разного мы с ним поля ягоды, ой какого разного.

Одет по последнему писку моды.

Костюмчик притален.

Рубашечка накрахмалена так, что даже слышно, как она похрустывает.

Шитьё – исключительно золото.

И самоцветы – да на нём камней столько, что весь квартал, что Альфонсо Кривой держит, выкупить можно. Ну не весь, но половину можно, ту, в которой у меня каморка, - так точно.

Не сразу и обратишь внимание на морду его страшную. А морда у него даже для гоблина – без слёз не взглянуть.

Одёжка дорогая чудеса творит.

Ух... panno grosso!..

- Джованни Стакко? Я верно расслышал?

Футы-нуты... на «вы» ко мне?.. и голос вежливый...

Хрясь!

- Отвечай, когда...

- Подождите за дверью.

- Но... - попытался возразить охранник.

- За дверью. – спокойно повторил гоблин.

Охранник вышел.

Любой бы на его месте вышел: дураков нет перечить второму, после Мирослава Створовски, в Мародёрах.

- Джованни Стакко. Стакко – это от Stacco?

Зубы заговаривает.

Стакко – это от Стакко. Стакко-Огрызок, чаще просто Огрызок – так меня все кличут. Чего его на разный манер произносить?

И вообще: где это видано, чтоб figlio della notte разговаривал с cane?

Или он чё думает: раз гоблин, так я ему так всё взял и выложил?

Ага, карман шире держи.

Сейчас рот открою, а меня потом на нож посадят.

За меня-то, в отличии от этого ranno grosso, никто не заступится.

Раз!

И всё – найдут поутру меня в канаве с перерезанным горлом. Или не найдут. Потому как скинут с камнем к ногам примотанным где в порту. Порт у нас глубокий, места кому

хочешь хватит, а уж гоблину, вроде меня, без роду-племени, так точно местечко найдётся. Много ли мне того места надо?

А всё это через Тонино. Эльф ещё называется. Пальчиками своими тонкими гордился. Ловкостью. Что не спасли тебя, Тонино, ни твои пальчики, ни твоя ловкость?

Эльф сгинул, а его дело как-то вдруг на меня свалилось.

Только куда мне дело из-под лучшего взломщика Новой Вероны?

Всё эта Лир, чтоб ей клиент глаз подбил.

Подсунула мне работёнку, а я, дурень, взял и согласился.

Ага, бумаги выкрасться.

Ага, у Алаи Ильменсена.

Сижу я тут теперь. Допрашивают меня.

А этот ранно grosso строит из себя моего лучше друга.

Может себе позволить милость и дружеский тон.

Вон он где, а я вот где.

Дело я провалил.

Теперь – ждут меня плети. И хорошо если десяток, а так и полусотню могут назначить.

Если после плетей жив останусь, так там моя *comare di notte*, Лир, на меня долг повесит за провал. Эта *puta*... появилась непонятно откуда... совсем житья с её приходом не стало... не то чтобы до неё было легче, но Лусия хотя бы не лезла ко мне так как эта *puta* лезет...

- Я стараюсь придерживаться принципа, согласно которого, если тебя облаяла собака, то нужно не собаку бить, а её хозяина, поэтому я к вам, Джованни Стакко, претензий не имею, и скоро вы выйдете отсюда. Без последствий, кроме траты вашего времени, что я вам компенсирую. — на стол легла одна золотая монета, затем вторая, третья.

Я такие деньжищи в одном месте только у Альфонсо Кривого и видел, и то случайно: не успел он всё в свою кубышку припрятать, а тут я.

Ranno grosso!.. вот же ш морда его морщинистая... да стоит мне прикоснуться к этим монетам, так меня даже никто и слушать не будет: сразу горло перережут...

- Будет возможность, передайте своей ночной куме... передайте, Лириэне Pettine: Пройдоха огорчён. Просто два слова. Запомните их. Очень хорошо запомните. Пройдоха огорчён. Я буду вам очень признателен.

Лириэна Pettine — это он что о Лир-Гребёнке-то?

- А теперь вставайте, я вас выведу, а это знаю я местных: скажешь отпустить сейчас же, так они уйму времени бумаги оформлять будут, пока честный сын ночи в сырости томится. Поднимайтесь, поднимайтесь, и пойдёмте.

И вывел ведь.

Чем прибавил мне проблем.

Попробуй теперь объяснить: за какие-такие заслуги мне

плетей не досталось, и чего меня Алая Ильменсен по плечу хлопает будто мы друзья с этим *ranno grosso*...

- Пройдоха огорчён. Запомните их. — зачем-то повторил он на прощание.

Матушка моя.

У меня всё хорошо.

Сегодня благодаря презабавному стечению обстоятельств, о котором расскажу как-нибудь потом, познакомился с Алаем Ильменсеном. Возможно, ты о нём слушала. Это самый известный гоблин во всей округе. Писатель и вообще уважаемый гражданин Новой Вероны.

Алая просил оказать ему услугу.

Так и говорит: «Я буду вам очень признателен». Очень уж хотел, чтобы я ему помог. Деньги предложил. От денег я отказался, а по поводу услуги сказал: «Подумаю».

Алая потом ещё долго за мной ходил.

Не знаю, как и быть: отказывать не хочется, а у самого и без него дел довольноно.

Я ж говорил наш цеховой глава, да, тот самый милый дядюшка Альфонсо, о котором я так часто вспоминаю в своих письмах, хочет поставить меня своим заместителем, ведь Тонино, о котором я также писал, решил уехать из города, надоела ему здешняя суета, поэтому письма от меня в будущем могут приходить чуть реже — прошу простить

меня за это.

Передавайте привет бате.

Привет и мой поклон.

Надеюсь у вас всё хорошо.

Ждите – не обещаю, что скоро, но я обязательно вернусь.

Перечитал письмо ещё раз.

Надо было, наверное, дописать про еду, мол, питаюсь хорошо.

Подумал немного.

Нет, это писать не стоит. Подобное может прозвучать фальшиво и как раз наоборот вызвать ненужные вопросы и беспокойство.

Запечатал письмо в конверт.

Полез в башмак, достал три монеты.

Стражники увальни: карманы обшарили, да в башмаках поленились смотреть, а там не только монеты есть.

Расплатился.

Декады через две письмо будет у родных.

Там уже будет ясно, чем оно тут всё закончилось.

А сейчас чего?

Сейчас надо к Лир шагать.

Выслушивать, чего она скажет.

А хорошего она ничего сказать не может.

Ещё потешаться, как обычно, будет.

Будто нет взломщиков похуже меня.

Так есть же они.

Есть.

Гребёнку искать не пришлось: сидела она в моей каморке, граппу потягивала.

- Ну чё, Огрызочек? Рассказывай.

- Чё рассказывать-то?

Мой вопрос в отличии от наглого, хозяйственного, принадлежавшего Лир, прозвучал как-то извиняющееся.

Сзади послышался скрип. Кто-то поднимался по лестнице, ведущей к моей каморке.

- Это Краб. Он поприсутствует во время нашего разговора. Ты ж не против? – улыбнулась Гребёнка.

Краб.

Правая рука Кривого.

Крабом его прозвали за то, что был на столь могуч, что в дверные проёмы только боком и проходил.

А ещё за то, что любил людей крабам скармливать.

- Проходи, проходи, Огрызочек. Чего ты как не родной? – поманила меня кума.

Куда деваться-то? Вошёл в свою же каморку.

Встал в дальний от двери угол, под самый скос крыши.

- Ну чё, Огрызок? Слушал я, ты с сапе дружбу водишь.

Вот же... вот же...

Всё этот panno grosso!

- Что вы, господин Михэнес, какие ищейки? Я ни слова... ни полслова ни сказал...

- То-то Пройдоха тебя обнимал как своего старого друга, а не отправил к палачу, чтоб он тебе плетей прописал.

Тон Краба обещал неприятности.

Я посмотрел на Гребёнку: зубы скалит, в руках стакан покачивает.

Put a! Всё она. Подставила меня. Знала ведь, что не правлюсь и всё равно подсунула работёнку.

Сидит теперь, будто её это всё не касается.

- Я ничего этому *rapporto grosso* не сказал.

- Пройдоха хоть и играет не на нашей стороне, но не тебе, деревенщина, оскорблять уважаемого гоблина. – Краб делал небольшой шаг ко мне.

Я инстинктивно отшагнул.

Упёрся спиной в стену.

- Не я не хотел, но я правда...

- Хочешь сказать я вру? И ты не обнимался с Пройдохой после того как сдал всех, кого знал?

- Нет... я...

- Так я не вру. Так?

Вот же... вот же...

- Так?! – повторил свой вопрос Краб.

Гребёнка брезгливо отвернулась, и теперь смотрела в сторону дверного проёма.

Дальнейшее ей было не интересно.

- Нет... я...

- Вот поэтому я и не люблю этих деревенщик. Никакого представления о чести. – вздохнул Краб.

Его огромная лапища потянулась ко мне.

- Пройдоха огорчён! – выкрикнул я.

Как будто это могло меня спасти.

Они и не спасли.

Лапа Краба сомкнулась на моём горле.

Хватка вдруг ослабла.

Пальцы разжались.

Поверил, значит.

Я ж и правда никого не предавал.

Я ж молчал.

Как учили.

Я даже смог открыть глаза.

Открыл и не поверил: изо рта Краба текла кровь, а Гребёнка... Гребёнка, уперев плечо ему в бок, а ногу в стену, и, лишив таким образом Краба возможности сдвинуться, вогнала стилет куда могла дотянуться.

Краб захрипел.

Отпустил меня, попробовал оторвать от себя куму.

Ударил локтем.

- Да сдохни ты уже! – просипела Гребёнка.

Но умирать Краб отказывался.

Он хрипел и бил Гребёнку, а та продолжала вгонять стilet ему в бок.

Это было страшно.

Я опять закрыл глаза и постарался забиться в угол.

Подальше от этого кошмара.

Я открыл глаза лишь когда звуки стихли.

Гребёнка сидела на Крабе.

Рука её была как-то неестественно вывернута, а лицо... не только лицо, всё было залито кровью.

Я тоже был в крови.

- Бутылку подай.

«Гребёнка убила Краба». – стала до меня доходить вся невозможная кошмарность произошедшего.

Гребёнка. Убила. Краба.

Зачем? Зачем ей это?

И тут же ответ: она безумная. Её посетил Разбиватель Черепов. Одарил боевым безумием. Теперь она и меня убивать будет.

Не сбежать: тело Краба лежит напротив выхода, а на нём она.

Истинный, спаси мою грешную душу.

- Огрызок, ты чё оглох? Бутылку, говорю, подай.

Бутылку?

Какая ещё бутылка?

Зачем ей бутылка?

Она же Краба убила.

- Ладно, поговорим без выпивки. Всё равно граппа у тебя дрянная была.

Говорить?

Да о чём она вообще?

Она же Краба убила.

Всё.

Это приговор.

- Огрызок, смотри на меня, на меня смотри, - Гребёнка замахала здоровой рукой, - не знаю, чем ты так глянулся боссу, но если ты сейчас не начнёшь соображать, то боюсь тебе живым из города не выбраться. Не думаю, что Альфонсо Кривой оценит, что ты завалил Краба.

- Я завалил? Нет, это всё...

- Не тупи, Огрызок. Я пришла с Крабом припугнуть тебя, узнать, не стал ли ты стукачом. Ты испугался – завалил Краба. Меня пытался убить. Я чудом жива осталась. Пони-маешь?

- Нет, нет, это всё ты!

- Да кто тебе поверит? Тебя видели с Пройдохой. Он тебе что-то говорил. Может дал какую микстуру, чтобы ты Краба смог завалил. Что бы там не лепетал, а поверят мне: я местная. Я – не ты. Ты – villano, деревенщина.

- Нет, нет, это всё...

- Огрызок, прекращай. Если босс сказал, что тебя надо

спасти, значит, это надо сделать. Не усложняй мне работу.

Босс?

Это Пройдоха?

Гребёнка работает на Пройдоху?

Кума работает на сапе?

Гребёнка – стукач?

- О, наконец-то начал что-то понимать. Вот это понимание в глазах... ох, как оно меня заводит... ты, Огрызок, даже не представляешь, какое это наслаждение убивать людей с таким выражением в глазах. Убивать людей, которые начали понимать, кто перед ними.

Гребёнка – стукач.

Она только что убила Краба потому, что Пройдоха сказал ей защитить меня.

«Пройдоха огорчён» - это было послание.

Оно меня спасло.

- Да, Пройдоха строит такие планы, что сам Голос Пустоты обзавидуется. – улыбка Гребёнки, она меня пугала. – Но да вернёмся к нашим баранам... сейчас ты приведёшь себя в порядок, а потом...

Это самое «потом» привело меня к тому, что уже вечером я оказался вне городских стен.

Повозка везла меня в «надёжное место».

Возничий – орк, из Мародёров, что-то пояснять не горел, поэтому я решил заняться единственным доступным мне де-

лом.

А именно – есть.

Еды ведь нам в дорогу отсыпали прям не скупясь.

Может и съем чего лишнего – то мои проблемы.

Не обеднеют.

Ну а чё мне ещё оставалось?

Мозги себе сушить? Пытаться врубиться, чего эти богатеи удумали?

Не, это не ко мне.

Я – поем.

Хлеб двойной выпечки? Не, хлеб я и так поесть могу. Это без меня.

Сыр. Выдержанный. Вот его отложим. Сыр я люблю.

Хамон – твёрдый, как доска, с желтизной от выдержки.

Его к сыру.

Яйца в эскабече – варёные яйца, залитые уксусом с шафраном, перцем, чесноком и розмарином. О, это в первую очередь.

Пиво. Конечно, это ж орки. Ну пиво пусть он сам хлещет.

А вино? Где вино?

Херес. Ладно, пусть будет херес всё лучше этого пива.

Так, мешочек. Инжир, финики, изюм, грецкие орехи. Это прям хорошо.

Марципан? Во, богатеи ведь. Прям марципан. Это вообще

отлично.

Вспомнился сосед, из дома, а не из города. Он перед тем, как перерезать барану горло, давал ему яблоко. Чтобы мясо было слаще.

Отогнал дурную мысль.

Всё, может и не съем, но буду стремиться к этому.

Сытый желудок, да после всего произошедшего...

Уснул я в общем.

Уснул.

Проснулся я ночью.

Орк у повозки храпит. Прямо на земле. Во здоровье-то.

Бурдюк с пивом рядом. Что характерно – пустой. И что он завтра пить будет? Надо ж хоть немного своей головой думать.

Я вот... ага, он и херес мой выдул.

Орк. Сложно было от него чего-то иного ждать.

Они ж вообще о завтрашнем дне не думают.

Надо хоть воды попробовать где-то набрать.

Прихватил бурдюк из-под хереса и пошагал туда, где как мне показалось, поляна куда-то вниз уходит. В низинах всегда ручеёк-родничок есть. Там водички и наберу.

Пришлось чуть поплутать, но к ручейку я всё ж вышел.
Водица чистая. Каждый камешек на дне виден, каждая песчинка.

Лягушек не слышно. Комарья нет.

Весело бежит водица.

Попробовал. Холодная.

Промыл бурдюк.

Набрал воды.

Вернулся к месту стоянки.

Спать особо было не охота, днём поспал, да и так-то раньше всё больше ночью на дело ходил.

Поглядел на лошадь.

Вот сдаётся мне этот орк не подумал о том, чтобы напоить животину.

Слил воду из бурдюка в ведро.

Лошадь попила. Без особой охоты. Наверное, по дороге, пока я спал, орк её из реки всё же напоил.

Ну ничего. Тогда хоть почищу животинку.

Чистить орк её точно бы не стал – бояться лошади орков.

Эта видно – тренированная, раз везёт нас, но чистить себя всё ж вряд ли б дала. Так-то некоторые с непривычки могут шарахнуться. Я пару раз такое видел, когда в город приезжали из других мест, где орков не особо много водится.

Закончив, взял бурдюк и пошёл к ручейку.

Во второй раз я что-то сильно в сторону сильно принял, поэтому, когда спустился к ручейку, заметил огонёк, который в прошлый раз не приметил.

Это был не костёр, ведь дымом не пахло. Его я бы сразу почуял. Наверное, алхимический фонарь. У меня тоже такой. Простенький.

Мой фонарик... я ж его оставил в своей каморке. А за него ведь деньги плачены. Надо было прихватить. Полезная штука.

Все неприятности мои через Пройдоху этого с планами его хитрыми.

Ему-то что?

А я теперь без фонарика.

Хорошо, что хоть денег не было: я всё, что было родным отправлял, а то б ещё и без денег остался.

Ах, да ещё Гребёнка мою граппу выпила. За неё между прочим тоже деньги плочены.

И за каморку. За декаду вперёд и жить ещё можно было три дня.

Сплошное разорение.

Знал бы, что всё оно так – взял бы те монеты, что Пройдоха мне предлагал.

Вот взял бы.

Истинный мне свидетель – взял бы и не поморщился.

Всё равно теперь мне ходу к ночным братья нет.

Да чего уж теперь?

Но что за огонёк надо всё ж глянуть.

Мало ли чего?

Времена нынче беспокойные: за что поклон Створовски-младшему, Беде этому.

Люди не очень-то скрывались: были уверены, что низина их скроет.

Оно и верно: заметил я их по чистой случайности.

Четверо лошадей, четверо людей.

Нет, людей пятеро.

Пятая – девушка, сидит поодаль, на грани света фонаря, поэтому я её не сразу заметил.

Нет, четверо – ноги у девушки связаны и повязка на рту.

Похитители.

Никак из тех, о которых все говорят, которые на Дел Монте работали и людей для кровавых ритуалов ловили?

А цвета не Дел Монте.

Хотя с чего им в цветах семьи ходить на такое дело?

Похитители спорили.

- Я вам говорил! Говорил, выбирать надо, а вы схватили первую же.

- А ты сам куда смотрел?

- Заткнитесь оба. Вопрос не в том, кто виноват. Вопрос – чего теперь делать.

- Говорю же – везём. Заказчик хотел русалку. Мы притащили ему русалку.

- Она ж слепая.

- Может, отпустим?

- Она имена наши слышала, так ведь, Грис, не удержался?

- Кремень, не начинай.

- А за языком надо следить.

- Валить её надо.

- А если по нашему следу этот бешеный увязался?

- Створовски-то? Да от этого можно чего угодно ждать. У него башка совсем набекрень.

- Ага, этот гад Пройдоха его за своего цепного пса держит.

- Говорю – тащим заказчику. Дальше – она его проблема.

- Она ж слепая.

- А на кой ей глаза?

- Нам сказали – русалку притащить, а не слепую русалку.

Вот на кой.

- Русалку. Вот мы русалку и притащим.

Одна из лошадей всхрапнула и повернула голову в мою сторону.

Почуяла... а я ведь подходил с подветренной стороны...

Спор стих мгновенно, и в мою сторону уставились писто-

ли.

Вот же...

- Вышел быстро!

Оружие смотрело в мою сторону. Да не прям совсем в мою.

Не видели меня они, не видели, вот и ходили пистолеты из стороны в сторону.

- Считаю до трёх.

Затихариться и переждать – самое то для такой ситуации.

Мало ли чего лошади всхрапнули.

- Раз!

Тут главное не паниковать.

Меня за деревом и не видно вовсе.

Чуть сдвинусь так даже если фонарём посвятят – ничего не увидят.

- Два!

Пусть ещё стрельнут для остратки.

Так точно орка моего разбудят.

А он разбираться не будет – точно ломанётся на звук.

И тогда уж поглядим, чья возьмёт.

- Три!

Выстрел не прозвучал.

- Показалось?

- Заткнись!
- Может всё же стрельну?
- Заткнись! Лошади что-то почуяли.
- Я стрельну.
- Уж лучше костёр запали. Если кто по следу идёт, так

точно будет знать, где мы.

Один пистоль опустил. За ним остальные.

Кроме последнего.

- Не нравится мне это место. Надо сматываться.
- Лошади устали. Им надо дать передохнуть.
- Я всё же гляну, что там.
- Ничего там.
- А я гляну.
- Не лезь. Там камни скользкие – шею себе свернёшь.
- И когда это ты в мои мамочки записался?
- Да пошёл ты!

И полез ведь, сожри Тёмные его печёнку.

Попробовать сбежать?

Да куда там? Теперь уж только сидеть.

До последнего.

Достал лезвие из башмака.

Ох, не думал, что оно мне пригодится хоть для чего-то кроме того, чтобы винты выкручивать и мешки распарывать.

А всё этот орк. Ну что он нормальное место для стоянки выбрать не мог?

Надо было непременно выбирать там, где ночью похитители решат остановиться.

Похититель, выставив пистоль перед собой, шёл в мою сторону. Шаркал сапогами. Оскользнулся на камнях. Устоял.

Ждать.

Сейчас он подойдёт ближе.

Ждать.

Надо выскочить, полоснуть его и...

Ждать.

Показалась рука с пистолем. Больше ждать нельзя.

Выскочил.

Хотел ударить, а он – дёрнулся, пальнув куда-то в сторону. Нога у него поехала. Он взмахнул руками, поймал меня за шиворот. И рухнул, увлекая меня за собой.

Мы покатались вниз.

Что-то хрустнуло.

Когда мир перестал кружиться, я обнаружил себя сидящим на мужчине. Голова его была в ручье, под водой. Признаком жизни он не подавал.

- Кто ты?! – дуло пистоля оказалось прямо перед моим лицом.

- Я?... – икнулось мне, и я сказал единственное, что пришло в голову. – Я – Алая Ильменсен.

- Кто?!

- Алая Ильменсен. – кровь ударила мне в голову, и я уже не мог остановиться. – Второй номер в Мародёрах. Явился забрать то, что вы украли. Одного вашего я завалил. И лучше вам убрать оружие, пока сюда не явился Беда, а то он вас всех тут по камням размажет.

- Ага, щас. Пройдоха – ж гоблин.

- А я кто по-вашему? Эльф?! – рявкнул я и поднялся.

Похитители чуть отступили даже.

- Не, он вроде старый, Пройдоха этот.

- Я слышал он урод ещё тот.

- Заткнулись.

- Не, не он это.

- Да, этот какой-то малахольный и одет...

- Заткнулись. Быстро. Крик. Слышите?

Я услышал. Мой орк всё же проснулся от выстрела.

- Это Створовски?

- Я почему знаю?

- Кто это?

- Ставр Беда Створовски. – процедил я.

- Да я тебя сейчас пристрелю.

- И Беда будет здесь. Он – орк, у орков прекрасный слух и нюх. – пучил я свои глаза. – Он вас разорвёт. Ваш един-

ственный шанс спастись – бежать. Бежать прямо сейчас.

- Да не... - договорить он не успел.

- Кажется, звуки ближе стали.

- Валим, Кремень.

- Я из-за дела помирать не собираюсь. – слова его не расходились с делом, первый из похитителей заскочил на лошадь.

Тот, кого называли Кремень взревел, а потом оттолкнув меня, рявкнул:

- Валим.

Когда мой орк выскочил к ручью, похитители уже скрылись.

Остались только труп.

Трупова лошадь.

Русалка.

И я в мокрых штанах.

Штаны, вполне возможно, были мокрые не только потому, что я побывал в ручье.

Разрезая пути на русалке, я коротко рассказал орку о том, как проснувшись и почуяв неладное, пошёл разведать обстановку. Обнаружив мерзких похитителей убил одного, вон он в ручье лежит, но пока мы дрались – другие успели сбежали. Я б бросился их преследовать, да побоялся оставлять девушку одну в лесу.

- Я думал Гребёнка пошутила по поводу того, что ты в одиночку Краба завалил. – после некоторой паузы выдал орк.

- Ага... завалил... - выдавил я из себя, стараясь ничего не добавить по поводу этой руга, из-за которой я уже второй раз едва не погиб.

- Похитителей отпускать нельзя.

- Нельзя. – кивнул я.

После моих слов орк аж просиял:

- Вот это дело. Вот это уважаю. Значит, говоришь, чтоб я их догнал. Это верно. Это прямо верно. Это нельзя так оставлять. Не по-нашему это получится, если они уйдут.

Орк начал хлопать меня по плечам, так что я от ударов приседать стал.

А потом повернулся в ту сторону, куда люди ускакали и побежал.

Я не сразу и понял, что произошло.

А как понял, так начал ему вслед орать:

- Куда мы ехали? Куда?!

Из темноты донеслось что-то разборчивое.

Я постоял ещё какое-то время.

- Вот и поговорили. – сказал я, ведь особо тут нечего было сказать.

- Господин Ильменсен, вы ехали к Ургу Грязному. – сообщила русалка. – Так сказал господин Створовски-младший.

Это были первые слова, что я от неё услышал.

И они были на столько прекрасны, что я в тот момент даже не задумался о том, кто этот Ург и почему он Грязный, а также о том, что я – никакой не Алая Ильменсен, второй среди Мародёров и первый среди гоблинов, а всего лишь Джованни Огрызок.

По-быстрому вытащил из ручья тело – нечего воду всякой дрянью портить.

Обшарил.

Прибыльное это дело – людей убивать. Раньше я об этом только слышал, а теперь – лично убедился.

Пистоль. К нему пороховница, пули, кремёнь.

Кошелек. Пузатенький такой.

Нож, настоящий, а не моё лезвие (его я вернул в башмак, пригодится).

Плащ... добрый. Рука даже потянулась сперва, да пришлось её одернуть: кто носит чужую смерть, тот скоро встретит свою.

Лошадь опять же. И в седельные сумки явно ж не пустые. Чего там – потом разберусь: сейчас надо к месту стоянки возвращаться.

Поглядел на склон – крутой. Камни эти опять же.

Тяжело будет лошадёнке подниматься. Не усадить на неё девушку.

А хотело бы: и так натерпелась она, и путы на ногах тугие были.

Может чуть пройти вверх по течению? Там вроде не такие крутые склоны были.

- Господин Ильменсен, всё хорошо? Может быть я могу вам как-то помочь?

Голос был на столько прекрасен, что я не сразу и понял, что вопрос был адресован мне.

- Господин Ильменсен?

Точно!

Это ж я.

Так-то по уму надо рассказать, что я это так похитителей пугал.

Но чего-то язык не поворачивается.

Одно дело – если я этот *rapino grosso*, а как такая красавица будет ко мне относиться, когда узнает, что я – Огрызок?

Не, не, пусть лучше буду я этим гоблином хитрым. Хоть немного полюбуюсь такой красавицей.

Когда мне ещё такое счастье перепадёт?

Сама тонкая. Волосы длинные. Я никогда таких длинных волос не видел. Почти до земли. И чёрные. Чёрные, хотя ж говорят – у русалок волосы светлые или зелёные. Но то бывает – все ж привирают. Небось никто настоящих русалок-то и не видел.

К нам один сказатель заходил, так тот вообще завирался, что у русалок ног нету, а хвосты рыбы вместо них. А так

ничего интересные сказки рассказывал, только страшноватые. О доме со ста дверьми. О Королях там и зверях разных. Сейчас и не вспомнишь всего: только что интересно было и ещё – немного страшно. Но больше интересно. Страшно лишь иногда.

- Можно просто Алая, не надо господинов.

- А я – Эвриалиция.

Эвриалиция – вот это имя.

Как песня.

Сразу видно – русалка.

Не то что наши Марии-Хуанны или прости Истинный, - Гребёнка.

Ради того, чтобы встретить такую красоту, можно было бы и десять раз вытерпеть то, что со мной приключилось.

Вот ничутью б не пожалел.

- Эвриалиция, вы сможете на коне удержаться? Нам нужно к месту стоянки вернуться, а потом... потом мы вас домой отправим. Вы ж из грота Верной жены? Да?

- Риция, просто Риция, и, прошу: на «ты» мне так привычнее.

На «ты» с такой красавицей...

Истинный, неужели ты обратил на меня свой взор и решил одарить благодатью за все мои злоключения?

- Риция... - не удержался, попробовал как звучит теперь её имя.

- Да, Алая?

А голос, голос какой...

Мягкий, добрый.

Вот, оказывается, каким голосом с важными гоблинами говорят.

Хоть и дурно такое думать, но оно хорошо, что слепа Риция, иначе б сразу увидела, кто я такой на самом деле.

Не ходит Алая в одежде с заплатками.

Видел я в чём этот rapno grosso ходит: если и продам всё, что добыл, то всё равно не хватит так нарядиться.

Похитители меня-то за него лишь в темноте да с перепугу только и приняли. И то не до конца. Только благодаря орку и спасся.

Не важно.

Ничто не важно, лишь бы Риция ещё хоть немного поговорила со мной таким голосом.

К счастью животинка оказалась спокойной, и Риция забралась на неё почти и без моего участия: я лишь совсем немного помог.

Взял повод в руку.

И мы пошли.

По дороге нашёл оставленный бурдюк.

Я о нём совсем забыл. А он тоже денег стоит.

Наполнил водой.

А то получается, что ходил по воду, да воды как раз и не набрал.

Когда добрались до места стоянки. Помог Риции спуститься и, расстелив полог, усадил у дерева.

Проверил содержимое седельных сумок.

Сухари, деревянные. Такая же говядина. Впору подмётки для башмаков делать не будет сносу той обуви. Не, это мы есть не будем. Но и выкидывать тоже не стоит. Всё ж добро. Убрать подальше.

Бурдючёк. Ага. Винцо. И недурственное.

- Знал бы я, что повстречаю такую красивую девушку, обязательно взял бы вино получше, а пока не откажитесь... не откажешься ли? – протянул я русалке бурдюк, который только что нашёл.

- Знала бы я, что меня будет спасать сам Алая Sottocapo Ильменсен, я бы приоделась получше.

Лучше?

Да разве ж в одежде дело?

Выпила совсем немного вернула бурдюк.

Я сделал несколько крупных таких глотков. Отдышался сделал ещё.

Лучше чуть захмелеть, до того, как произошедшее успело догнать.

- Есть хочешь?

- Хочу.

- Тогда жди: супчик сейчас сделаю. А потом домой тебя вернём. Ты ж из Верной жены?

Конечно, она из этого грота.

Будто у нас тут в округе полно гротов, где русалки-сирены обитают.

И спросил ведь уже во второй раз.

Ох, дурак же я.

- Да, но как же Ург Грязный? Я сама могу дойти, чтобы не мешать. Тут недалеко ведь.

Я даже перестал искать в повозке котелок, который вроде попадался мне на глаза.

- Сама? Да как же я тебя одну-то брошу? Нет. Сказал: верну домой, значит, верну.

- Правда, не стоит беспокоиться. Я всё ж очертания предметов немного различаю. Дойду как-нибудь.

До чего ж она милая.

Всё сама.

Слепая, а всё сама.

А говорят, что русалки только петь и умею. Целыми днями на ветвях сидят и песни свои поют. И над путниками шутики шутят.

То, видно, злые языки говорят.

Не могут они поверить, что есть на свете такие хорошие девушки, вот и придумывают про них всякие гадости.

- Нет. Поедем вместе. Поедим и поедем. – как можно вну-

шительнее сказал я.

- В таком случае я буду только рада.

«А как я буду рад». – едва не сболтнул я, но вовремя прикусил язык.

Я ж теперь всё ж Алая Ильменсен, а он таким мелочам не радуется.

Кто б там что не говорил об этом *rapino grosso* – дурак он, если не умеет такому радоваться.

Не всё сокровища за семью замками лежат, некоторые вот так у ручья найти можно.

Супчик у меня вышел – само роскошество.

А как ему таким не выйти?

Хамочику – не скупясь.

Поварить, чтобы навар пошёл, а пока к ручейку сбегал – там чесночка нашёл.

К хамончику хлеб двойной выпечки – не много, не в нём суть. Сырку побольше.

Чуть поварил, теперь яички и чесночок, порубил, закинул.

Снял с огня и сверху ещё сыром.

Густюче.

Жирнүче.

Теперь – дать подостыть.

- Пахнет изумительно.

- А то... если вкусное со вкусным сложить, так оно всегда вкусное и получится.

- О, это то самое?

- Что «то самое»? – не понял я.

- Мудрости от Алаи Ильменсена.

Мудрости... слышал я эти мудрости...

«Быть умным это не тоже самое, что быть сильным...»

Ха!

Это ж и так ясно.

Я по десятку таких «мудростей» на день могу выдумывать.

Только кто ж меня слушать будет-то?

Я ж – villano. Деревенщина я.

А вот вам всем – Риция говорит, что правильные у меня мудрости.

На вкус супчик оказался таким же как на запах.

Изумительным.

После того как поели, тронулись в путь.

Добытую лошадку привязал к повозке – надо будет продать при первой же возможности. Лошадёнка хорошая. Ещё сбруя имеется. Если повезёт, выручу двадцать-двадцать пять монет. Золотом. Золотом.

Это же...

Это же...

Голова отказывалась вообразить, что можно сделать на такие деньги.

Купить коров? Пяток?

Овец? Отару?

Пару лошадей, попроще, - для работы в поле?

Родителям отправлю – вот они обрадуются. А то ведь кроме серебра от меня и не видели ничего. И то...

А тут – золото.

Золото это тебе не шутки.

Золото – это серьёзно.

Но ценнее золота – Ричия.

Никогда б такому, как я, не встретить такую как она, а вон как всё повернулось.

Ну приврал я немного, и что? Кому с того плохо?

А с этого ранно grosso не убудет... даже наоборот, - вон от его имени русалку спас. Так что он мне ещё «спасибо» сказать должен – добрые дела от его имени делаю.

Только б придумать, чего-такого умного такого сказать, чтоб разговор начать.

Только нужно и правда что-то умное.

Не о погоде ж говорить?

О погоде любой дурак говорить может.

Нужно что-то умное, о чём мог бы говорить Алая Иль-

менсен.

Только что ж это такое?

Что?

Умное как на зло в голову не приходило.

Приходили в основном всякие глупости.

Про погоду, в основном, что солнышко светит, что птички поют. Ветерок такой приятный и дорога ровная. Но про погоду нельзя было говорить: про погоду говорят все, кому не лень.

А надо что-то умное сказать.

Не про погоду. Не про солнышко и ветерок.

Про солнышко и ветерок любой может, а мне ж надо что-то умное.

Только чего ж умного можно сказать, когда в городе я только улицы и видел (не самые богатые кварталы... в приличных, стражи хватает, что всегда готова объяснить оборванцам, где их место), да думал, как кусок хлеба себе добыть и при этом не попасться, ну и как под старших не подставиться. Стража она ведь как – сегодня тут, завтра там. И обойти можно, и на глаза не попасться. Вон сколько людей в городе – пойди пойми, что именно я тот дом обчистил. А старшие, тот же Кривой, - вон он. Квартал его. Доля с моих дел – его. Весь я – его. Да и не один я.

Был.

Теперь – всё.

Ноги моей в Новой Вероне не будет.

Только найду этого Урга Грязного, кто бы он ни был. Пересажу у него, а там, как всё поутихнет, — домой вернусь, к родным.

Вот же... не о том я думаю, нужно о чём-то умной думать, об умном, а то рядом такая красавица, а я молчу.

Может мне никогда в жизни-то больше не доведётся с такой красавицей говорить, а я всё молчу.

Сколько там дороги до того грота? Да ничего к вечеру должно быть и приедем, а то и раньше.

А я молчу.

Ну что ж это за напасть?

Ну хоть одна умная мысль.

Истинный, ну что я так много прошу: хоть одну умную мысль мне пошли.

Чем дольше я молчал, тем труднее было разлепить губы и сказать хоть что-то. Не то что сказать — я уже дышал только через нос.

Такое бывает, когда долго дела нет.

А потом — дело, и кажется, что ты ж ничего и не знал в общем-то такого, что не знают другие, да ещё и успел что-то забыть. И в пальцах ловкости нет, и шагаешь громко, и дышишь не так. Не будет с тебя толку, но идёшь ведь. И не всегда ж как с последним делом. Успехов хватало. Было б больше, если б в дома простых горожан лазил, так нет же: в

благородство играл, только на задания ходил, через то сперва с Лусией знакомство свёл ... потом пришла Гребёнка... эта рута...

Надо срочно что-то сказать.

Иначе так молча и доедем.

Не хочу молча. Хочу говорить, хочу слышать её голос.

- Погода чудесная. – сказал я самое глупое из всего, что крутилось в голове.

И стоило ли ради такой глупости столько времени молчать?

Глупость о погоде можно было уже давным-давно сказать.

- И ветерок мягкий, пахнет иначе, чем у нас.

- Конечно, у вас же там побережье, ветер над водой разгуляется. Рыба-водоросли опять же. А тут деревца. Вот выехали б куда к полям или виноградникам, вот там бы ветер покрепче был. Ветер над пшеничным полем... волны бегут одна за другой... будто ветер над морем... это надо видеть...

Сказал и осёкся.

Глупость смолол и ещё «видеть».

Ну вот кто меня за язык тянул?

- Красиво. – согласно кивнула Риция, и у меня от сердца отлегло.

- Прогуляться по полю тоже хорошо. Жаль сейчас всё уже убрали. А так можно было пройтись. Руками по колосьям

провести. Приятно так, спокойно. Правда, потом чесаться будешь. Ну и ругаться будут, что ты урожай потоптал. Но всё равно – попробовать хоть раз нужно.

- Гулять по пшеничному полю, как гулять в морских волнах? Не отказалась бы. Мне к воде лучше не приближаться. Так... на берегу посидеть или прогуляться, но чтоб не слишком глубоко.

Это да: опасно слепым в воду заходить.

Тут здоровый и с двумя глазами – и то как волной накроет, так с жизнью уже прощаешься.

У меня дома всё больше озера небольшие и тихие речушки. Там волн отродясь не было. Если и были – то мелкие, незлые. А тут – море. Вода до горизонта. И волны им под стать. Но ничего – местные как-то купаются, не перетопли пока ещё все.

- А я тоже глубоко в воду не захожу. – честно сказал я. – Я больше привык к тихой воде и чтоб солнышком прогретой.

- Вот и я такая же. А подружки мои всё смеются. Им что вода холодная, что волны – всё одно смех и песни, а я вот не очень воду... и песни тоже не очень...

- А как у меня с песнями не очень – так это отдельная история. Меня один раз даже побили, когда я песни взялся петь.

Упомянуть, что тогда я совсем мелким был, и была меня мать, в общем-то за дело была, так как мозги надо иметь: при родителях петь скабрёзные панфлетики; нет, упомянуть это

я не стал.

- Побили? Самого Алаю Ильменсена? Я бы с удовольствием выслушала эту историю.

Вот же... сболтнул лишнего... теперь выкручиваться надо...

«Без имён, чтобы не обидеть никого» - я так и сказал.

Глупость ведь сказал.

Какие имена? Какие? Я ж ни одного не знаю, а рассказывать историю с именами, которые я знаю... ох, провальное это дело: Краб, Гребёнка, Кривой – не тянут они героев истории, в которой мог бы участвовать Алая... хотя, погоди, Краб и Гребёнка как раз участвовали... но это история не для девичьих ушей...

А Риция кивнула – поверила в моё «без имён».

Ох... и чего я после этого рассказал.

Самому стыдно.

Там была и песня, и то самое избиение, из-за которого пришлось мне историю эту выдумывать, и заточение в темнице, и освобождение благодаря навыкам взломщика, и наказанный злодей, и моё торжество... ну не моё, а Алаи, но не важно...

- Ты так рассказываешь. Я будто сама там была. – поверила же мне Риция.

Поверила.

Хоть и наврал я с три короба, а всё равно как-то веселее жить стало.

- Это ещё что, хочешь узнать, как мне удалось настигнуть твоих похитителей? – не удержался я.

- Хочу.

И я рассказал.

Рассказал так рассказал.

И в этот раз в истории нашлось место Крабу и Гребёнке: героический я спас бедную девушку от страшного бандита, чей устрашающий вид в моём пересказе стал поистине монструозным. Тут мой рассказ споткнулся, и я выдал «о причинах, по которым мне пришлось покинуть Новую Верону я умолчу, чтобы не подвергать тебя лишней опасности». А дальше оставалось во второй раз пересказать то, что я уже говорил орку, а именно, историю, как предчувствие привело к моей героической победе над похитителями и их позорному бегству. После чего выдать глубокомысленно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.